

Светлана

Ананьева

доктор филологических наук,
профессор Казахстанского филиала
МГУ им. М. Ломоносова

«Я НАУЧИЛСЯ НОСИТЬ РОДИНУ В СЕРДЦЕ...»

Великолепный стилист, вдумчивый переводчик, влюбленный в художественное слово, удивительный рассказчик Сатимжан Санбаев оставил яркий след в культуре и литературе Казахстана. Прозаик, драматург, публицист, сценарист, киноактер... Возглавлял редакцию республиканского издательства «Жазушы», отдел взаимосвязи Союза писателей Казахстана. Был главным редактором национальной компании «Казахфильм» имени Шакена Айманова. Рекомендацию в Союз писателей Казахстана Сатимжан Санбаев получил от Мориса Симашко...

В эссе «Экспедиция в настоящее» Сатимжан Санбаев с любовью пишет о своей малой родине: «Родные просторы разворачивались перед нами, мы их ощущали и слышали, они жили в нас, и мы словно летели в машинах по древним караванным дорогам, по которым когда-то ходили наши предки... Мы ехали по древним дорогам... где жил и трудился один из моих дедов, историк и этнограф, правитель Первого и Второго Приморских округов Букеевской орды Макаш Бекмохаммедов, друг блистательного ученого Мухамбета-Салыка Бабаджанова, прозванного в народе «вторым Чоканом». Об этих людях я сейчас пишу роман. Последним побудительным толчком к написанию заветного романа послужило посещение во время экспедиции кесене моего деда Макаша Бекмохаммедова, в урочище Акжал, недалеко от холма Каракшы-тюбе, где когда-то находилась его ставка».

...Писатель любил вспоминать, как однажды в Париже на одной из встреч ему был задан вопрос: «А есть ли в Макате, о котором вы пишете с такой любовью, метро?»

Любовь к родной земле не только проходит лейтмотивом через все, созданное Сатимжаном Санбаевым. Она претворилась в лаконичной формуле его творчества: «Я научился носить Родину в сердце...».

Ворвался в большую литературу прозаик своей знаменитой «Белой аруаной», которая вошла в антологию ста лучших рассказов мировой литературы о жизни животных, изданную в Лондоне. В этой повести мощно прозвучал зов родины, мотив притяжения родной земли.

Одна из повестей Сатимжана Санбаева увидела свет с символическим названием «Когда жаждут мифа...». Ее главный герой – старый табунщик Елен по пути к подножью Каратау оглядывает свой путь, вспоминая прошлое. Авторское по-

вестование неторопливо: «Нижняя часть хребта Каратаучика темнела частыми узинами ущельев. Старик знал, что такие же ущелья прорезали невидимые отсюда юго-западные склоны. Он снова постоял, представляя себе древние шумные селения, укрывшиеся в теснинах, зеленые оазисы вдоль речек, абрикосовые, яблоневые и тутовые сады карлуков – одного из четырех племен, населявших некогда полуостров. Все это исчезло со времени нашествия монголов, потом хорезмийцев, было засыпано обвалами, занесено песком, и разве только он, Елен, найдет кое-какие следы древней жизни мангыстауских аулов. Ясно различимы сейчас лишь караванные пути по обеим сторонам хребта, они торились веками, на века и остались... По северной дороге шли к морю купеческие караваны из Хазарии и Руси, а по верхней южной дороге локтями – трудно добирались торговцы из Хорезма, вечно враждовавшего с Мангыстау» [2; 123].

Герой произведения «Когда жаждают мифа...» свято верит в то, что на его земле есть все необходимое человеку: древнее и молодое, суша и море, кумыс и родники, кони и машины, колхозы и забытые колодцы.

Довольно распространенный прием в мировой литературе, когда автор произведения включает в его ткань рассказы, легенды, воспоминания о прошлом. Вступив в храм Шакпак, вырубленный в скале, молодой археолог Булат рядом с убеленным сединами Еленом рассматривает «изображения лошадей, верблюдов и гепардов, человеческих рук, орнаментальных узоров, надписей на древних языках. Немыслимо сложные по замыслу и исполнению гравюры безвестных художников жили вечной жизнью и покоряли совершенством. Многоплановые композиции, изображающие сцены охоты и сражений, чередовались со знаковой символикой, магическими эмблемами и эпитафиями на арабском языке, и все это было так увязано друг с другом, и со светом, падающим сверху, и с самим небом, и с формой стен...» [2; 126]. О славном прошлом родного края повествует Елен: «Песни, хранимые человеком, должны петься, иначе они разорвут сердце; легенды – доверяться людям, мудрость твоя – постигаться другими» [2; 159].

Особое место отводится в романах и повестях С. Санбаева мифологии. Три линии когда-то провел художник на скале. Они символизировали три дороги: дорогу войн, дорогу жизни и дорогу вечности. Линию дороги вечности он провел по камню, чья жизнь – вечность по сравнению с жизнью человека.

Бег времени, стремительный и неуправляемый, в романе «Лист, скользящий по снегу» тетралогии «Времена года нашей жизни» олицетворяет бег знаменитого скакуна Акмоншака. Воспоминание проходит своеобразным рефреном: «Казалось, мощи Акмоншака нет предела. Когда кони проходили мимо толпы, белый скакун распластывался в беге, напоминая птицу. Конь как бы летел по-над землей, реял в воздухе: никакого намека на усталость, ни рывка, ни потуги. Бег просто слагался сам собой» [3; 191].

В памяти Галимжана, главного героя тетралогии, живут картины детства в родном Макате, он размышляет о жизни своих родителей. Отсюда – его желание написать книгу о нефтяниках, их суровом и поэтичном крае.

Пейзаж на страницах романа «Лист, скользящий по снегу» способствует более глубокому раскрытию судьбы главного героя: «И в этой тишине, словно от чьего-то неосторожного вздоха, сорвался с дубка лист и полетел, покачиваясь и кружась, по склону длинного холма, лишь иногда касаясь снега и тут же взлетая вверх от его холодного дыхания. Он летел долго, как крошечная лодка в безбрежном море,

ть ладони, единственное заметное глазу движение: и трое парней, оказавшихся на вершине холма, теряли из виду и тут же находили этот темный, скользкий лоскуток, оставшийся от лета» [3; 199].

Так же Галимжан жил, словно скользья... И лишь после трагического случая на родине, когда его любимая Секер ушла из жизни, Галимжан оказался на пороге нового в своей судьбе. «Он проживет свою весну, как прочитал бы хорошую книгу. Вернее, как написал бы хорошую книгу, которая понравится Секер. Обо всем, чем жил... И это будет лето, долгая осень и зима, а весна – впереди...» [3; 204].

Лаконичная и изящная проза С. Санбаева поэтизирует труд, воспекает родные степные просторы, художественно отображает людские судьбы и характеры тракторостроителей Баянтау, производственные проблемы.

Полихронная структура повествования историко-современного романа С. Санбаева включает элементы «интеллектуальной, мифологически-ассоциативной, производственной и историко-философской форм» [4; 323].

С повзрослевшими героями мы встречаемся вновь в романе «Весной нас зачарует голос». С. Санбаев прослеживает судьбы казахских семей, откочевавших в трагические двадцатые годы XX века через мангыстауские степи в Туркмению и Афганистан. Казахи называли эту страну на свой лад – Ауганистаном, Страной откочевников, Прибежищем переселенцев. Кабул – Кабыл – Открытый город, принимающий людей. Главными были дух племенной жизни, свобода вероисповедания, возможность свободно кочевать по просторам со своими стадами...

Прошлое вторгается в жизнь жителей долины Оймак. Отряд моджахедов под командованием Гинаята выполняет сложную задачу. Ему поручено доставить французского журналиста через минные поля и горный перевал Шакмак к следующему перевалу Чермен в отряд Ахмад Бека. Гинаят понимает, что отнюдь не журналиста сопровождают его бойцы, слишком активизировались советские десантники, идут буквально по следу. Их цель – перехватить военного специалиста, направленного под видом журналиста координировать военные операции повстанцев и моджахедов. Порой полевые командиры, а не погрязшие в интригах политики решали дело.

Такова внешняя канва событий. Но роман глубже и многослойнее. Он о Родине в сердце каждого персонажа, о правде и предательстве, долге и чести, семейных ценностях, о прошлом и настоящем.

Офицеры, сопровождающие француза, молчаливы, полны ненависти к просоветскому кабулскому правительству, разлучившему их, преподавателей университета, с семьями, и живут законами газавата. Решительный и жестокий полевой командир душманов Ахмад Бек не только не щадил никого из тех, кто подозревался в связи с коммунистами, но и не оставлял в покое простых жителей кишлаков.

Гинаят, в отличие от офицеров, уверен в том, что все иностранные советники, журналисты и наемники меньше всего думают о благе афганцев, о желанной свободе и мире. Гинаят преклоняется перед главой Национального фронта освобождения Афганистана Моджаддеди, защищающим простых афганцев. «Вот почему казах Гинаят Нуржанулы, выросший в ауле скотоводов, верой и правдой служит Моджаддеди целых шесть лет, а жители долины Оймак, – пишет автор, – всегда помогают его отряду. В этом мире, считал он, все простые люди, живущие честным трудом, нуждаются в сильном и справедливом защитнике» [5; 210].

Командиру десантного батальона майору Нурлану Турлыжанову жизнь кишлака Сарыташ напоминает жизнь казахских аулов в глухих местах Туркменистана, где проходил он военную службу, с той существенной разницей, что шорави являлись для афганцев чужеземцами, потому что пришли освободить народ, «который вовсе не просил их об этом». Сложная обстановка в стране сохранялась: «Президент Бабрак Кармаль, пришедший к власти после свержения Амина, пытался укрепить свою власть в стране только силой: пытки ни в чем не повинных людей, массовые расстрелы были в ходу. Усилия теперешнего президента Наджибуллы, направленные на национальное примирение, тоже не давали плодов, хотя он и пошел на уступки оппозиции» [5; 227].

Трудно понять майору Турлыжанову, действительно ли старейшины кишлаков соблюдают условия перемирия или ведут двойную игру, подобно проводнику Сайфулле. Одним-двумя штрихами писатель рисует образ 40-летнего афганца с характерной походкой. Сайфулла «шел длинным, скользким шагом, как-то странно разводя руки в стороны, словно пытался поймать какого-то зверя или животное... Прорезая ночной воздух руками, словно крыльями... отчего казалось, что он как бы стелется по-над землей, парит в воздухе» [5; 307].

Турлыжанов дорожит званием десантника, командира элитных частей армии, воинским братством и пытается разобраться в сложных взаимоотношениях этой разноплеменной страны, в традициях и обычаях: «До недавних пор в здешних горах и пустынях то и дело вспыхивали межплеменные войны... длились по несколько лет, сопровождаемые таким жутким насилием и зверством, что в жилах леденеет кровь... И сейчас сплошь и рядом – дикие расправы, кровная месть, рабский труд, продажа девочек, еще почти детей, в жены. Правосудие совершается не столько по шариату, сколько по патриархальным и феодальным законам» [5; 279].

Накануне праздника Новруз и Гинаята, и его боевым друзьям хочется провести семью в кишлаке Сарыташ, в котором живут таджики, узбеки и казахи: «Чья-то семья пострадала от соперничавших между собой отрядов моджахедов, в чьей-то семье потеряли кормильца в годы репрессий, развязанных Хафизуллою Амином, чей-то родственник сидел в тюрьме еще с поры Бабрака Кармаля, уповая на амнистию, которую, по слухам, скоро объявит правительство Наджибуллы, кто-то в поисках счастья ушел в Пакистан или служил в правительственных войсках» [5; 245]. Старейшины кишлака Нуржан-баба, Махмуд и Губайдулла стремятся сохранить мир и помочь своим детям.

Дом самого Гинаята со скудным достатком. Его жена Нагима с трудом верит в то, что в кишлаке откроют школу и трое сыновей научатся грамоте. Приветливый и внимательный, обладающий цепким, пытливым взглядом офицер-казак Нурлан манерой разговора и внешним сходством напоминал Нагиме Гинаята. И дети почувствовали это.

Нурлан Турлыжанов пытается разобраться, кто же скрывается под именем Бакая. Есть ли такой полевой командир? И все больше (после беседы с Нуржаном) склоняется к мнению, что это и есть Гинаят. Помогают ему в этом разобраться давние рассказы отца о древних батырах уильской и каратальской степей Ботакане, Карабатыре, Алакае, Макате, Сакале, Кошкаре и Бакае... Старший брат Галимжан запечатлел их подвиги в своих произведениях. По именам сыновей Гинаята – Карабатыр, Каракерей, Жаик – можно догадаться, откуда семья при-

шла в далекий Афганистан. Неслучайно Галимжан говорил, что имена предков дают детям, чтобы не позабылась история родного края, а история – это суть биография народа.

Судьбы героев так тесно переплетены в романе, что дело не в одном только родном поселке Макат, о котором вспоминает Нурлан. Отец Гинаята старик Нуржан, хозяин кишлака, успел перед смертью рассказать Нурлану про его отца, Турлыжана, который пришел забирать у него в 1929 году скот (по разнарядке количество кулаков и баев все увеличивалось). Нурлану старейшина Нуржан-баба напоминает то персонаж романа Галимжана, то Темира-ата и Оспана-ата, однажды превратившихся в каменных балбалов в тайсойганских песках и рассказывающих древнюю историю. Выслушав старейшин кишлака – мудрых Нуржана и Нияза, отнюдь не заблудших душ, какими считали в Казахстане людей, живущих на чужбине, Нурлан вдруг осознает, что настоящая история его родного края живет за границей. Нияз рассказывает об акыне Отемурате, батырах Кошкаре, Бараке, Бакае.

Параллельное развитие сюжетных линий позволяет автору воссоздавать картины жизни в Казахстане и Афганистане. Уважаемый всеми, заслуженный учитель Турлыжан в это время в соседнем Казахстане готовится к переезду из Маката в Алма-Ату, к сыну Галимжану, писателю. Перебирает документы, мандаты, свидетельства, орденские книжки, грамоты и дипломы (от свидетельства об окончании русско-киргизской одноклассной и двуклассной школ до командира партизанского отряда). Такой прием позволяет автору романа окинуть взором всю жизнь героя. О биографии отца вспоминает и Галимжан. В голодные годы спасал степняков, во время войны – литовок, строивших узкоколейку Макат – Кульсары. Об этом – фильм «Дом у соленого озера», автор сценария – Сатимжан Санбаев.

Архитектоника романа включает не только рассказы о прошлом, легенды и предания. Слова песни солистки ансамбля «Дос-Мукасан» Курманай Омаровой под стук колес поезда сопровождают в пути Галимжана.

Мерца в сини ночной прохлады,
Горит звезда моей мечты.

Песня наводит Галимжана на раздумья о том, как же живут люди вдали от родины? Те, которые вынуждены были покинуть родные места, были насильно отлучены от них...

Своеобразие композиции романа С. Санбаева «Весной нас зачарует голос» в том, что действие происходит то в Западном Казахстане, то в Афганистане. Майор Турлыжанов замечает много общего между жизненным укладом на родине и в Сарыташе: «Подобно мифическому “узун-кулаку”, распространенному в казахских степях, когда заслуживающая внимания новость невесть как распространяется по аулам, рассыпанным в безбрежной степи, так и здесь радостная или печальная весть быстро достигала селений. Она передавалась из уст в уста, переходила границы, ее не оставляли без внимания противоборствующие стороны. Они на время забывали о вражде и исполняли неписанный закон: передавали весть дальше и только после этого возвращались к своим делам: спорам, борьбе или к бою» [5; 367].

Афганистан многому научил. Никак нельзя быть ниже звания афганца. И на гражданке герои произведения обещают вести себя как подобает десантнику: «Афган на всю жизнь».

Интересно сопоставить «Весной нас зачарует голос» С. Санбаева и «Колодец пророков» Юрия Козлова. Своеобразен стиль повествования современного российского писателя в романе «Колодец пророков», где настоящее переплетено с далеким прошлым, российская действительность – с военными событиями в Афганистане. Сюжетное построение произведения помогает автору создавать нескончаемый гиперроман, как, впрочем, пишет его и сама жизнь.

Произведение Ю. Козлова сверхинформативно, но это не перегружает повествование. Случай и непредсказуемые совпадения играют едва ли не решающую роль в судьбе персонажей.

Пейзаж в пустыне Афганистана – в духе Сальвадора Дали. Все это, по мнению капитана Сергеева, кивнувшего «на песок, кровь, слетающихся клевать кровоточащие тела стервятников – они были похожи на странствующих дервишей с язвами на лицах, в чёрном дранье, – придёт к нам. И очень скоро». Роман-предвидение. Террористические акты происходят то в одной, то в другой стране. Афганистан, военные события в Чечне...

Ненужный риск. Чужая война. Таков авторский комментарий. Спецоперации – «это своего рода тончайшее нейрохирургическое вмешательство, призванное не столько выполнить поставленную задачу, сколько сканировать во всей своей противоречивости сложившуюся в данном регионе военно-политическую ситуацию, определить намерения и степень готовности рисковать основными геополитическими субъектами; спецоперации редко приводят к однозначным результатам; результаты спецопераций становятся очевидными (естественно, не для всех) только по прошествии времени в случае принятий на основе их всестороннего анализа правильных государственных решений. “Спецоперации, – вдруг подумал майор Пухов, – сродни вживлению в организм раковых клеток. Тактика (клинические симптомы) у раковых клеток могут быть самые разные и неожиданные, но стратегия у них всегда одна-единственная – смерть”» [6; 36]. Автор подчеркивает бесполезность майора для мирной жизни или даже опасность, крылья у него вырастают только на войне.

В романе российского прозаика – постоянная работа мысли, переосмысливается история, современность, литература... Афганская тема проходит лейтмотивом через все повествование.

Белый женский платок, который срывает с непокрытой головы героиня романа С. Санбаева «Весной нас зачарует голос» Нагима со словами: «Вы же с одних колодцев. У вас один предок», останавливает Нурлана и Гинаята от необдуманных шагов и последствий. Зыбкий мир в кишлаке восстановлен, четвертый сын Гинаята и Нагимы увидел свет, крик новорожденного – голос весны, возвещающий о начале новой жизни.

...Бег Белой аруаны продолжается. «Все еще летит она в мареве полуденного зноя над солончаками Атырау и каменистой землей Мангыстау, вдоль древних мазаров – ничто не может удержать этот прекрасный бег. Свобода и чувство родины – это главный инстинкт аруаны, во имя которого она готова погибнуть. И поныне живет эта книга и Белая аруана как лучшая метафора нашего национального сознания и литературы» [7; 8].

Повести «Белая аруана», «Когда жаждают мифа...», «И вечный бой!...», «Коп ажал», романы «Медный колосс», «Дорога только одна», «Времена года нашей жизни» сыграли значительную роль в истории отечественной литературы.

Трепетны и лиричны воспоминания С. Санбаева о писателях и критиках – Иване Шухове, Николае Ровенском, Павле Косенко и др.

«Мы, многочисленные ученики Шухова, – вспоминал С. Санбаев, – любили его воспоминания, до которых он снисходил чрезвычайно редко. Мы вообще искали любую возможность, чтобы провести час-другой в редакции “Простора”: в ней бурлила литературная жизнь. Вне поля зрения мастера Шухова не оставался ни один молодой литератор, подававший надежды, ни одно талантливо исполненное произведение, в каких бы дальних уголках казахстанских просторов и на каком бы языке оно ни появлялось. Тут было встречное движение: молодые дарования искали встреч с Шуховым, заранее полагаясь на его заботливое отношение, и Иван Петрович торопился им навстречу – привечал их, читал рукописи, терпеливо учил» [8; 104].

Романы И. Шухова «Горькая линия», «Поединок», «Ненависть» написаны богатым и чарующе образным языком, «в них сгусток человеческих характеров и судеб, великолепные психологические пейзажи». С. Санбаев относит эти произведения к интеллектуальной прозе, а цикл автобиографических повестей «Колокол», «Трава в чистом поле» и «Отмерцавшие марева», составляющие «Пресновские страницы», считает лебединой песней И. Шухова.

Н. С. Ровенский, по мнению С. Санбаева, владел редкостным литературным вкусом. В книгах, статьях, рецензиях русского критика Казахстана в полной мере «раскрывалась красота его внутреннего мира, зиждившаяся на прекрасных знаниях законов литературы и личном жизненном опыте» [8; 108]. «Стыдно так писать», – восклицал Николай Степанович, сталкиваясь с невыразительностью языка, непродуманным сюжетом и слабо выписанными характерами героев, вспоминает Сатимжан Санбаев. Высокую планку писательского мастерства ведущий критик республики призывал поддерживать постоянно. Таким он остался в памяти коллег, учеников, последователей.

Безупречна стилистически проза С. Санбаева. Писатель и переводчик творил с поразительной самоотдачей, чутко относясь к словам, подчеркивал, что употребление слова многоаспектно, поэтично говорил о языке души. Перевод на русский язык «Слов назиданий» великого мыслителя, поэта-философа Абая Кунанбаева, осуществленный С. Санбаевым, продолжает оставаться одним из лучших.

Перелистывая свой блокнот, встречаю записи, сделанные во время выступления С. Санбаева на одной из научных конференций в КазНПУ имени Абая. О важности художественного перевода в современном мире он размышлял постоянно. На встрече со студентами и участниками конференции вспоминал о своей практике на Челябинском тракторном заводе в 1958 году, как руководил группой глухонемых ребят. Не оттуда ли опорные конструкции сюжета (как назвал их сам автор) будущих романов, несколько финалов разной высоты?!

Высокопрофессиональное отношение к своей работе, особенная статья, аристократичность были присущи ему до последних дней земного бытия. И уже дома, у Светланы Мауленовны, бережно перелистываем страницы его Собрания сочинений, рассматриваем фотографии, семейные реликвии... Первые переводы на немецкий, сборники и книги, изданные в Германии, России... Рассказываю о наших друзьях Лео и Шарлотте Кошут... Литературовед, литературный критик,

издатель, писатель, переводчик, эссеист, специалист по Маяковскому и Есенину, большой друг казахской литературы Л. Кошут, недавно отметивший свой 95-летний юбилей, в рождественском Берлине 2008 года вспоминал, как в Германии в издательстве «Volk und Welt» выходили на немецком языке книги М. О. Ауэзова, М. Симашко, А. Алимжанова, А. Кекилбаева, С. Санбаева, О. Сулейменова, Д. Досжана и т. д. И одна из них, книга С. Санбаева, стоит на почетном месте в огромном книжном шкафу в рабочем кабинете писателя – ею Сатимжан дорожил особенно.

Издание «Kasachische Bibliothek» на немецком языке продолжается в Германии при поддержке Посольства Республики Казахстан. Главный консультант по-прежнему Л. Кошут. В одном из писем автору этих строк Л. Кошут размышляет: «С удовлетворением я воспринял, как правильно мы в издательстве “Volk und Welt” поступали, посвящая такое внимание казахской литературе... И как будто закономерно произошло творческое содействие Посольства суверенного Казахстана со мной. Моя и Шарлотты дружба со многими казахстанскими авторами выстояла общественные изменения и в Казахстане, и в Германии. Учреждение “Kasachische Bibliothek” в переводах на немецкий язык открыло издания из ГДР для новых читателей в ФРГ, открыло дорогу для новых переводов».

Сатимжан Санбаев призывал беречь богатство языков мира, размышлял о важности перевода, многозначности и многоаспектности слова, передающего язык души. Слово писателя, обращенное к молодежи, наполнялось особым смыслом, а его интеллектуально-насыщенная проза увлекала в яркий и неповторимый художественный мир.

В культуре Казахстана остались книги, фильмы, переводы, сценарии, роли Сатимжана Санбаева... Надолго... Навсегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания // Казахстанская правда. 2017. 13 апреля.
2. Санбаев С. Когда жаждают мифа // Санбаев С. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. Астана: Агроиздат, 2009.
3. Санбаев С. Лист, скользящий по снегу // Там же. Т. 3.
4. Елеукенов Ш. Р. От фольклора до романа-эпопеи. Алма-Ата: Жазушы, 1987.
5. Санбаев С. Весной нас зачарует голос // Санбаев С. Собр. соч. В 6 т. Т. 3.
6. Козлов Ю. Колодец пророков // Козлов Ю. Колодец пророков: Роман. Повесть. Рассказы. Москва: Молодая гвардия, 2003.
7. Накипов Д. С Родиной в сердце // Санбаев С. Собр. соч. В 6 т. Т. 1.
8. Санбаев С. Литературные портреты // Простор. 2009. № 6.

